

Инвaйронментальная социология

© 1995 г.

О.Н. яницкий

ЭВОЛЮЦИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

ЯНИЦКИЙ Олег Николаевич — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН

Введение

Экологическое движение продолжает оставаться наиболее стабильным субъектом на общественной арене России. На протяжении вот уже 35 лет оно развивается, дифференцируется, использует все более разнообразный тактический арсенал. Редко участвуя непосредственно в политических схватках, оно тем не менее является неизменным участником политического процесса. Поэтому ретроспективный взгляд на его эволюцию, выявление этапов его политического поведения представляется весьма актуальным. Этот анализ невозможен без одновременного рассмотрения динамики социально-политического контекста или, более узко, изменения «структуры политических возможностей». Согласно одной из наиболее распространенных версий этой концепции [1, р. 429], эта структура включает пять основных блоков: степень открытости/закрытости институциональной структуры; стабильность/нестабильность политической ситуации; наличие/отсутствие у данного субъекта союзников и групп поддержки; степень толерантности правящей элиты к действиям протестного характера; способность правительства к принятию решений.

Принимая эту концепцию в качестве исходной, подчеркнем, что поведение коллективного социального субъекта не детерминируется целиком названной структурой - своими действиями он расширяет или суживает поле своих политических возможностей. Кроме того, она изменяется также под совокупным воздействием всех социальных сил. Наконец, эта структура не ограничена легальными рамками и существующими институтами, она изменяется в ходе прямых действий, инфильтрации и других форм неконвенционального политического поведения [2, 3].

Становление экологического движения

С 1958 г. начинаются систематические протесты общественности против загрязнения Байкала, крупнейшего пресноводного озера в мире [4]. Они выражались в коллективных обращениях в прессу, резолюциях собраний и конференций и других санкционированных политическим режимом формам. Массовых митингов и демонстраций не было. Однако давление общественности было столь сильным и длительным, что Центральный Комитет КПСС и Правительство СССР четырежды (в 1969, 1971, 1977 и 1987 гг.) принимали постановления, касающиеся охраны и рационального использования природных богатств Байкала.

На наш взгляд, политический успех байкальского движения в 60—80-х годах объясняется несколькими причинами: существованием в поре тоталитарного государства ячеек гражданского общества; реализацией государственных программ развития науки в Сибири, в частности, созданием Сибирского отделения Академии наук СССР; резким

ростом экологической озабоченности местной интеллигенции, которая не только была высокообразованной и имела относительно высокий жизненный уровень, но создала развитую сеть негосударственных (научных и общественных) организаций и обладала большей (по сравнению с Москвой) свободой коллективных действий. Наконец, это были люди, которые именно здесь, в Сибири стали профессионалами и которые после десятилетий лагерей и ссылок уже ничего не боялись.

60—80-е годы — это и период созревания массовой социальной и политической базы экологического движения — гражданских инициатив. Речь идет о группах населения, созданных по месту жительства и имевших своей целью формирование здоровой, безопасной и комфортной среды непосредственного обитания.

В формировании этих ячеек непосредственную роль сыграли коммунистическая идеология и урбанистическая политика. Программа КПСС указывала на необходимость развития социальной активности граждан. Начавшееся в 60-х годах по всей стране массовое жилищное строительство потребовало введения элементов самоорганизации жизни новых кварталов и микрорайонов. В массовом порядке создавались ячейки КПСС по месту жительства. Нельзя сбрасывать со счетов и санкционированную режимом практику шефства, то есть патронажа промышленных предприятий «своих» микрорайонов, школ, парков, улиц.

И, главное, постепенно из среды населения выделились местные лидеры, которые все более целенаправленно и настойчиво стали выдвигать собственные инициативы — сначала хозяйственные и культурные, а затем и эколого-политические.

Третьей составляющей экологического движения в СССР стали студенческие дружины охраны природы, возникшие в начале 60-х годов на биологических, почвенных, а затем географических факультетах Тартуского, Московского, Горьковского и других университетов. Профессиональная и общественная жизнь этих факультетов явилась для студенческих дружин «порождающей средой»: факультеты были источником пополнения их кадров, обеспечивали необходимыми ресурсами, осуществляли научное руководство (дружины обычно имели своих кураторов из числа наиболее авторитетных профессоров факультета).

Поначалу дружины контролировались комсомольскими организациями. Однако чем более профессиональные задачи они ставили и решали (создание заказников, сезонные наблюдения, борьба с браконьерством, экологическая пропаганда), тем более политический контроль «сверху» становился трудно осуществимым, а потому формальным. С другой стороны, окрепнув и наладив между собой связи, дружины начали упорную борьбу за свою автономию — организационную и идеологическую. Этой борьбе способствовало то обстоятельство, что малые группы дружин могли действовать под шапкой легальных государственных и общественных организаций — Всероссийского общества охраны природы, различных общественных инспекции (рыбоохранных и др.), охотничьих клубов и т.п.

К началу 80-х годов сеть дружин охраны природы уже представляла собой серьезную социальную силу, а в уставе отмечалось, что «работа в дружине является формой общественно-политической практики»; сама дружина, являясь коллективным членом Всероссийского общества охраны природы, «организует свою деятельность на основе принципов самоуправления и самообучения» [5].

Таким образом, как и в случае с гражданскими инициативами, дружинное движение II доперестроечного периода не носило протестного характера. Напротив, его главной целью было содействие государственным органам и официальным общественным организациям в деле охраны природы. Но именно это соучастие, дав членам дружин знание об истинных масштабах разрушения природы и анти-экологической практике государства, его хозяйственных и иных органов, явилось стимулом к накоплению потенциала социального протеста, который был реализован в период перестройки.

Перестройка: всеобщая «экологизация» и массовые протесты 1988—1991 гг.

1987—1988 гг. были коротким периодом всеобщего экологического энтузиазма в СССР. Борьба экологически ориентированной интеллигенции и поддерживающих ее экологических групп, казалось, увенчалась успехом: проект переброски части стока сибирских рек на юг был закрыт, ряд наиболее экологоопасных предприятий остановлены. По всей стране прошли массовые экологические митинги; экологические движения и группы по уровню доверия населения далеко опережали другие новые социальные движения. Наконец, набиравшая силу гласность была естественной ступенькой к акциям политического протеста.

Часть советских и зарубежных политологов называют этот период «митинговым», полагая, что он носил в основном неконструктивный и даже хаотический характер [6, с. 12]. С этим трудно согласиться.

Прежде всего митинг — типичная черта советской политической культуры, в которой масса отнюдь не толпа. Это было хорошо структурированное целое, причем с каждой новой акцией протеста его самоорганизация и неформальная структуризация возрастала.

Взрыв акций протеста обусловлен и другими причинами. С одной стороны, как отмечалось, проэкологическая деятельность местного населения была политически санкционирована как способствующая перестройке. Ряд нормативных актов, в частности. Постановление Совета Министров СССР «о любительских объединениях» (1986) создавал легальную основу для многочисленных неформальных организаций. Под давлением массовых акций протеста, поддержанных средствами массовой информации, в условиях растерянности и раскола в рядах партноменклатуры, отсутствия одобренной обществом идеологической программы перестройки партийные и силовые структуры заняли оборонительную позицию. Санкции с их стороны были слабы, противоречивы и кратковременны. Все это давало не парализующий, а, напротив, **мобилизирующий эффект**. Этот период можно назвать временем **экологической солидарности** советского общества, хотя и весьма специфического свойства.

С другой стороны, позитивную роль сыграл эффект публичности. В течение многих десятилетий режим лишал гражданскую жизнь **публичности**, загоняя ее на кухни квартир, в курилки контор, в многочисленные полуофициальные клубные образования. Но именно там шла интенсивная интеллектуальная и организационная работа. Совершенно правы социологи, отмечая значение «предшествующего активизма» и «экологической плотности», то есть концентрации единомышленников, в качестве необходимых предпосылок последующей мобилизации социального движения [7]. И когда, наконец, деятельность этих групп (дружин, кружков, клубов) стала публичной, выяснилось, что неформальная экологически ориентированная сеть социального действия достаточно глубоко укоренилась в толще общественной жизни.

Так или иначе экологический протест 1987—1989 гг. стал в СССР первой легальной формой **общедемократического протеста и общегражданской солидарности**. И это было естественно, так как речь шла о защите базовых и общезначимых условий человеческого бытия. Тем не менее мотивы и цели «экологического поворота» у разных участников этой борьбы были весьма различными.

Для советского режима лозунг защиты среды был очередным инструментом сохранения влияния в массах. Для части более молодой, образованной партгосноменклатуры эти лозунги использовались также одновременно как средство борьбы против геронтократии и для приобретения политического капитала. То же происходило и в номенклатуре комсомола: его «позеленение» было попыткой остановить стремительное падение популярности среди молодежи путем создания центров научно-технического и экологического творчества (известные ныне «Дронты». «Бюро эко-

логических разработок» и многие другие негосударственные организации были созданы при активном участии и на средства ЦК ВЛКСМ). Экологические конфликты в республиках Прибалтики послужили стимулом к созданию Народных фронтов в защиту перестройки и моральной легитимизации их борьбы за экономическую независимость, а затем и выход из СССР. Для национальных движений Средней Азии, а также Молдавии, Армении, с их аграрным перенаселением, катастрофической нехваткой технической и питьевой воды и отравленными ядохимикатами почвами экология была действительно первоочередной социальной проблемой. Для возникших в России Народных Фронтов экологическая тематика служила средством их коммуникации с демократической интеллигенцией — с одной стороны, и с «людьми улицы» — с другой. В этот же период стали возникать зеленые партии, впервые попытавшиеся разработать идеологию и программы экологических преобразований, соединить экологические требования масс с моделями радикальной экологической перестройки советского общества [8].

Культурная элита страны выступила с манифестом «Экологии культуры» как некоторого культурного императива перестройки — опоры на национальное культурное наследие и его сохранение. Однако в те же годы появились общество, а затем и Национально-патриотический фронт «Память», выступившие с требованиями прекращения хищнического разграбления национальных богатств русского народа, против превращения страны в сырьевой придаток западных монополий. Наконец, движение дружин охраны природы уже не могло в новых условиях ограничиться лишь природоохранной деятельностью. Бывшие лидеры студенческих дружин создали Социально-экологический союз — движение, объединившее в своих рядах более сотни местных организаций различных политических ориентаций и форм социального действия.

В целом эти годы можно считать периодом наибольшей дистанцированности и противостояния режима формирующемуся гражданскому обществу. Это был также период резкого расширения состава движения, его активной социализации и политизации. Согласно гипотезе Э. Даунса, данный период есть вторая стадия цикла развития общественного внимания к экологическим проблемам, стадия вызывающего тревогу открытия и энтузиазма [9].

Выборы в общесоюзный и республиканские парламенты 1989—1990 гг.

В этот период учреждено, в частности, Всесоюзное добровольное общество «Зеленое движение». Зеленые партии и движения возникли на Украине, в Белоруссии, прибалтийских республиках. В феврале 1989 г. состоялась первая в СССР массовая (более 300 тыс. участников в 100 городах страны) антиправительственная акция протеста против строительства канала Волга-Чограй, составной части проекта переброски стока северных рек в бассейн Волги.

Однако главным политическим событием тех лет были первые демократические выборы на Съезд народных депутатов СССР (общесоюзный парламент). Это крупнейшее политическое событие серьезно трансформировало и дифференцировало деятельность экологических групп.

Во-первых, их политическая деятельность (участие в предвыборных митингах и совещаниях, выдвижение «своих» кандидатов в депутаты, участие в разработке их предвыборных программ) стала все более отделяться от социальной и социокультурной. Образовалась цепочка коллективных действий: акция протеста — формирование местного (регионального) движения — участие в предвыборной борьбе. В связи с этим, во-вторых, эти местные акции протеста приобрели отчетливо инструментальный характер (победа на выборах), отесняя тем самым на задний план

важнейшую — **социально-идентификационную** — функцию движения. Фактически это было начало размежевания движения на политиков и не-политиков. Роль политического лидера для многих экоактивистов, как выяснилось, была весьма привлекательной. Другие активисты считали занятие политикой мало привлекательным, но тем не менее видели в этом свой гражданский долг. Третьи готовы были лишь помогать коллегам, избравшим политическую карьеру. Четвертые попытались совместить роли политика и члена движения. Часть из них, в особенности после неудачной попытки стать депутатом местного совета, вообще отошли от активной природоохранной деятельности. И, наконец, значительная группа зеленых, представленная в основном экоанархистами, в предвыборной кампании не участвовала по идейным мотивам.

Таким образом, участие в политической борьбе стимулировало дифференциацию движения.

В ходе предвыборных кампаний обнажилась проблема, которая очень скоро стала политически ключевой для экологического движения на всей территории СССР. Я имею в виду взаимоотношения экологического и национальных (националистических) движений.

На выборах в общесоюзный парламент 1989 г. националистические силы потерпели поражение. В те годы в России лозунги сохранения национального наследия и возрождения русской культуры не были популярны. Однако на выборах в республиканские парламенты националистические силы не только пришли к власти под лозунгами спасения национальной природы и борьбы с колониальной политикой Центра, но и воспользовались электоратом зеленых организаций, чтобы лишить тем самым последних своей социальной базы [10, 11]. Классический пример трансформации экологистов в националистов—Молдавия [12].

Теперь о результатах этой политической кампании. По нашим подсчетам, в союзный парламент было избрано не менее 300 экологически ориентированных депутатов, что составляет 12% его списочного состава. Этот вывод основан на проведенном нами выборочном анализе 200 предвыборных программ, 100 интервью с лидерами «зеленых» инициатив и движений, на ознакомлении с выступлениями кандидатов в депутаты в центральной и местной печати.

Мы отнесли к потенциальным экологистам депутатов — врачей и медицинских работников (свыше 4%), ученых и преподавателей (около 4%), государственных и общественных деятелей, журналистов и людей творческих профессий (более 4%), а также работников сельского хозяйства, чьи предвыборные программы были экологически ориентированы. По нашим подсчетам и оценкам других экспертов. 30—40% программ избранных депутатов содержали экологические приоритеты, а среди депутатов от прибалтийских республик — до 70%.

40 народных депутатов СССР были признанными лидерами гражданских инициатив, экологических движений, общественных комитетов (В. Белов, Д. Гранин, Д. Иванс. Т. Каипбергенов, В. Распутин, М. Лауристын, Ю. Щербак. А. Яблоков и другие). Начала формироваться и обратная связь. Так, народный депутат Г. Фильшин (Иркутск) вскорости был избран председателем Правления фонда Байкала [13].

Казалось, были все основания для создания в парламенте страны мощного экологического ядра (фракции, комиссии). Однако этого не произошло. Уже при формировании состава Верховного Совета консервативное большинство парламента постаралось не пропустить туда наиболее радикально настроенных экологистов. На I Съезде народных депутатов СССР экологические проблемы страны были затронуты лишь в 42 из нескольких сотен выступлений, тогда как в предвыборных программах их «вес» составлял 72%. Причем, если в большинстве этих программ четко прослеживалась связь изменения экологической ситуации в стране с кардинальными социально-экономическими преобразованиями, то теперь экологические вопросы все более

«тонули» И общеполитических дебатах. К тому же и правительство не проявляло к экологическим проблемам должного интереса [14]. Лишь на Второй сессии Верховного Совета СССР и только благодаря исключительной настойчивости и личному мужеству нескольких депутатов-экологистов удалось принять постановление Верховного Совета «О неотложных мерах по оздоровлению окружающей среды».

1990—1992 гг.: конструктивное сотрудничество с властями, начало глубинных трансформаций движения

Распад СССР и формирование на его территории новых суверенных государств нанесли серьезный удар по экополитике и экологическому движению в целом. Внимание населения и всех политических сил было целиком поглощено новой геополитической и экономической ситуацией, политические приоритеты переместились в сферу государственного строительства и налаживания межгосударственных отношений. В большинстве новых государств, за исключением России, национальные силы праздновали победу.

Однако и помимо этого события социально-экономический контекст во всех бывших республиках СССР становился все менее благоприятным для политической деятельности зеленых. Началось резкое падение жизненного уровня населения. Оно лишилось многих, ставших привычными социальных гарантий. В республиках Средней Азии и Закавказья возникли вооруженные конфликты, резко возросла безработица, особенно в среде молодежи и женщин предпенсионного возраста. Все это суживало структуру политических возможностей для местных экологических групп, лишало их привычных источников и ресурсов социальной активности.

Еще один негативный фактор — пересмотр вновь возникшими государствами, включая Россию, своей экологической политики. Большинство вредных производств, в том числе АЭС, закрытых или приостановленных строительством под давлением зеленых, были вновь пущены в ход. В России это принятая в 1992 г. программа расширения и модернизации сети АЭС, на Украине — отмена Верховным Советом моратория на строительство АЭС, продление существования Чернобыльской АЭС. в Армении — расконсервация АЭС и т.д. Причем эти решения часто принимались людьми, которые стали членами правительств и парламентов, при поддержке зеленого движения. Это резко понизило доверие населения к движению в целом.

Вообще для населения бывшего СССР, склонного поддерживать не политические партии и программы, а отдельных лидеров (чаще всего популистского толка), массовый и неприкрытый карьеризм последних явился глубокой психологической травмой. И.о. премьера Российского правительства Е. Гайдар быстро забыл о своих экологических обещаниях. Лидер «Зеленого света» и Партии зеленых Украины уехал послом в Израиль, а следующий за ним глава «Зеленого света» — послом в Румынию. В. Распутин и некоторые другие лидеры зеленого движения все более становились национал-патриотами; Те же процессы происходили в Литве, Эстонии, Латвии, Молдавии. В целом начался процесс **фронтального отступления** новых национальных политиков от декларированных ими экологических программ. Экологические приоритеты были вытеснены целями национально-государственного строительства. Все это означало существенное сужение структуры политических возможностей зеленых.

Какова же была в этот период их политическая тактика? До распада СССР и затем уже в России 1991—1992 гг. зеленые (в лице Социально-экологического союза. Экологического союза. Зеленого движения) сделали ставку на сотрудничество со структурами законодательной и исполнительной власти. Причем принципиально важно, что инициатива разработки тех или иных нормативных документов, как правило, **принадлежала властным структурам** («в рамках инициатив аппарата А.В. Яблокова». «как часть работы народного Депутата России А.А. Гаврилов.а» и т.п.) [15].

Часть экоактивистов, оставаясь членами движения, перешли на работу в аппарат Президента России, Верховного Совета России, стали депутатами местных советов, работниками вновь созданного Министерства экологии, экологических департаментов местных администраций. Таким образом, многие лидеры движения сознательно приняли на себя роль экспертов и референтов, **обслуживающих** властные структуры.

Однако, как выяснилось, понимание политической роли движения у его лидеров, вошедших во властные структуры, и у рядовых членов было различным. Лидеры видели в движении инструмент реализации и контроля за выполнением государственных решений. Рядовые же члены, обремененные тяжестью экологической ситуации на местах и растущим сопротивлением местной власти, требовали от своих единомышленников-депутатов немедленной помощи, а также отчета об их действиях по ликвидации конкретных очагов экологической опасности. Растущий консерватизм сначала союзного, а затем республиканского парламентов, в которых экологи всегда оказывались в меньшинстве, подвигли последних на Сотрудничество с президентской администрацией и местными органами исполнительной власти. Распад СССР и процессы «суверенизации» республик и регионов повлек не только дробление движения, но и его переориентацию на участие в решении местных проблем. Тем самым движение теряло массовость, становилось, более **профессиональным и реформистским**.

Хотя отдельные акции протеста, организуемые прежде всего экоанархистами, продолжались, они имели краткосрочный общественный резонанс. В целом, за исключением событий августа 1991 г., когда российские зеленые оказали решительную поддержку лидерам России, в этот период наблюдается снижение протестной активности; дело шло к уходу российских зеленых с политической арены.

Наконец, в эти годы началось и нарастает по сей день влияние на политическое поведение российских зеленых международных неправительственных и правительственных организаций США, Германии, Нидерландов, Японии и других стран через конференции, совместные проекты, обмен делегациями и экоактивистами, их обучение за рубежом. В результате естественных преимуществ центральных организаций перед периферийными, появления движенческой бюрократии (в форме многочисленных совместных программ и советов), языковых барьеров и конкуренции за доступ к ресурсам этих программ произошли очередной отток рядовых активистов из движения, переориентация на конвенциональные, реформистские формы деятельности, подчинение российского движения правилам и ритмам функционирования международных организаций, в целом — **общая демобилизация** движения.

1993—1995 гг.: новые препятствия и нереализованные возможности

Социально-политический контекст вновь резко изменился. Процессы децентрализации в обществе и властных структурах продолжали углубляться; закрытость, инкапсулированность его политических и социальных структур нарастала. Росло число новых партий, движений, фондов и ассоциаций, конкурирующих на политической арене и борющихся за доступ к государственным, международным и иным источникам ресурсов.

Другим моментом, существенно сузившим политические возможности социальных движений, была перестройка всего механизма государственной власти. Советы как политический институт были ликвидированы. Иными словами, основной канал институционализации экологических требований прекратил свое существование. Были также упразднены местные органы (комитеты) общественного самоуправления, где зеленые имели сильные позиции. Права и функции администрации Президента сильно расширились. Был создан Совет безопасности Российской Федерации, который, как показали последующие события, фактически стал одним из ключевых государственных органов принятия решений. В его структуре сформирована Межведомственная комиссия по экологической безопасности [16, с. 217—222].

Серьезные изменения произошли в самом движении. Сформировалось несколько новых организаций и движений, непосредственно ориентированных на сотрудничество с государством, частным бизнесом, независимыми профсоюзами. Таково Конструктивно-экологическое движение России, выступающее за участие в программах, способствующих выходу из экологического кризиса. «КЕДР» декларировал, что он занимается ПОЛИТИКОЙ ЛИШЬ постольку, поскольку его задачи невозможно решить иными путями. Однако созданная в 1994 г. на его базе зеленая партия «КЕДР» имеет отчетливую политическую направленность и поддерживается Российской торгово-промышленной палатой, банками и отдельными предприятиями. С разработки программ сотрудничества с Министерствами обороны, атомной энергетики и здравоохранения, с установления связи с международными организациями начал свою деятельность Российский Зеленый Крест.

Усилиями председателя упомянутой выше Межведомственной комиссии по экологической безопасности создан Центр экологической политики. Сформировалось движение за химическую безопасность, также имеющее политическую направленность.

Как мы уже отмечали, российские зеленые проиграли в декабре 1993 г. выборы в новый орган законодательной власти — Государственную думу [17]. Ключевые позиции в формировании экологической политики к Думе теперь принадлежат Либерально-демократической партии В. Жириновского, члены которой возглавляют основные думские комитеты, ответственные за природопользование и геополитику. Возможности влияния экодвижения на деятельность этих комитетов пока неясны, однако ряд фактов свидетельствует о том, что их деятельность находится под сильнейшим давлением нефтегазового и атомного лобби — с одной стороны, и президентской администрации — с другой. Так, например, на слушания по государственной программе уничтожения химического оружия представители зеленых были приглашены, а по программе развития энергетического комплекса, включая расширение и модернизацию сети АЭС нет.

Более того, как показала практика последних двух лет, скрытое противостояние исполнительной и законодательной властей одновременно мешает выработке государственной экополитической стратегии и дезориентирует, разъединяет и без того весьма редкие и несистематические усилия зеленых выработать и предложить обществу альтернативную экополитическую стратегию. Причин здесь две: отсутствие у движения традиции и систематического интереса к идеологии. Более того, можно сказать жестче: у российского экодвижения никогда не было своих идеологов. В лучшем случае некоторые из них, прежде всего радикального (экоанархистского) крыла, занимались «текущей» идейно-политической рефлексией, разрабатывая манифесты, программные документы зеленых партий и декларации. Характерный пример: «Манифест Социально-экологического союза», принятый в 1989 г., не пересматривался в течение пяти лет [15, с. 17—22]. хотя и структура этой организации, и политический контекст ее деятельности изменились коренным образом. К тому же некоторые из действительных теоретиков движения отошли от него, переключившись на разработку общей теории социальных движений в России, разработку идеологии анархо-синдикализма и коммунизма [18].

Остановлюсь еще на одной причине такого отставания, в основе которой лежит и скрытая конфронтация гуманитарных и естественнонаучных дисциплин. На протяжении последних десяти лет лидирующее ядро движения, состоящее из профессиональных биологов, считало разработку политической тактики и стратегии экодвижения своей прерогативой, активно сопротивляясь любым попыткам экосоциологов и политологов включиться в разработку соответствующих доктрин. Это положение сохраняется и по сей день: лидером нового российского движения «Зеленый Крест» становится математик, лидером движения «За химическую безопасность» — химик, а главой международного движения «Зеленый Крест» — М.С. Горбачев.

Сейчас, когда в соответствии с Указом Президента России «О государственной

стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития» [19, с. 414], государственные научные институты ведут разработку этой концепции, отсутствие разработок в области альтернативной экополитической стратегии стало очевидным.

Вторая причина — дифференциация движения — также весьма серьезна. Как показано ранее, каждая из семи групп, составляющих российское экологическое движение (консервационисты, альтернативисты, традиционалисты, гражданские инициативы, экополитики, экопатриоты и экотехнократы), имеет свою структуру политических возможностей [17, 20]. Но там речь шла о взаимоотношениях этих групп с государством, населением и институтами гражданского общества. Теперь же задача на несколько порядков сложнее: как видят теоретики экологического движения **стратегию перехода всего общества** к устойчивому развитию. И вот здесь складывается ситуация поистине драматическая.

Для начала заметим, что в Конституции РФ, принятой в 1993 г., не заложены какие-либо нормы, предполагающие развитие общества по экологически ориентированному сценарию. В ней зафиксировано лишь, что «каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением» (ст. 42) и что вопросы экологического развития находятся в ведении Российской Федерации (ст. 71) [21].

А теперь посмотрим на проект упомянутой стратегии перехода, подготовленный Советом самой крупной экологической организации, действующей на территории России — Международным социально-экологическим союзом [22].

Уже исходные определениястораживают: «Развитие — это увеличение количества счастья (здоровья, безопасности и общения), а не количества вещей»; «Развитие устойчиво, если дети счастливее родителей»; «Каждый знает, что ему надо для счастья, лучше, чем его начальник». Почему определение устойчивого развития дается в морально-этических категориях? Где базовые экономические, демографические и иные критерии? И при чем здесь «начальник»?

«Национальное богатство растет только тогда, когда те же потребности удовлетворяются при меньших затратах времени, вещества и энергии». Экономия — важный критерий. Но где же критерий эффективности? И как быть с естественными потребностями — спать меньше? Есть все менее калорийную пищу? Экономить на здоровье, так как его поддержание тоже требует затрат времени, вещества и энергии?

Дальше идут просто противоречия. С одной стороны, утверждается, что Россия имеет «все условия для устойчивого развития за счет своих собственных ресурсов». С другой — «устойчивое развитие человечества на Земле достижимо только совместными усилиями всех народов». Так что же, все-таки устойчивое развитие — это национальная или глобальная проблема?

С одной стороны, концепция исходит из необходимости сокращения нарушенных, то есть находящихся в хозяйственном обороте, земель. Иными словами, условие восстановления равновесия глобальной экосистемы — интенсификация сельского хозяйства. С другой — «Все граждане России должны быть обеспечены участками земли, выделяемыми из сельскохозяйственных угодий, достаточными для самообеспечения продуктами питания» и т.д. В данной концепции масса частных (как должны быть распределены властные полномочия, каким образом проводить денежную реформу, как использовать труд заключенных и кому прощать долги), но нет главного — какой тип общества надо создавать и как строить мост между критическим настоящим и «светлым» экологическим будущим. Впрочем, одно условие (ошеломляющее!) есть: «Значительная часть работ по обеспечению экологической безопасности России может быть поручена (и, следовательно, профинансирована из общественных фондов) подразделениям армии и государственной безопасности» (!) Вот, оказывается, кто спасет природу России и нас с вами.

Кстати, эта позиция в известной мере перекликается с мыслями председателя Российского Зеленого Креста о том, что очагами будущей цивилизации, которые необходимо сохранить любой ценой, являются предприятия элитной промышленности, включая ВПК. И далее разъясняется, что это уникальные КБ и заводы в Арзамасе, Челябинске, Красноярске, то есть головных центрах ВПК [23, с. 156, 158].

Кто делает российскую экополитнку?

Спаду в российской экономике противостоят (пока!) только сырьевые отрасли; это значит, что она приобретает все более сырьевой характер. Те же отрасли остаются самыми привлекательными для иностранных инвестиций, причем западные инвесторы предпочитают покупать уже существующие фирмы, либо создавать дочерние компании со 100-процентным иностранным капиталом [24].

Не отстают от них российские сырьевые монополисты. Как отмечает лидер «Зеленого движения» В. Ярошенко, энергетика и топливный комплекс были и остаются сверхмонополиями: «Энергетическое лобби России и СНГ властно диктует свою политику властям, настаивая на сохранении единой топливно-энергетической политики в единой энергосистеме. Об этом вполне откровенно говорит официальный документ... "О концепции энергетической программы РФ в новых условиях"... Партия интересов приватизирует энергетику». Более того, «сложнейшие международные комбинации идут в ход, свержаются президенты и правительства, партии мира уступают место партиям "войны" для того чтобы выпросить (вырвать или вымолить) у России энергию» [25, с. 10—11]. Выступать открыто против столь мощного противника экологическое движение не решается. Объявленная в декабре 1992 г. Социально-экологическим союзом акция протеста против правительственной программы модернизации и расширения сети АЭС на территории России ушла в песок.

Посмотрим, как это выглядит «в лицах». Если в 1989 г. избрание 300 экологически ориентированных народных депутатов СССР косвенно свидетельствовало о потенциальных политических возможностях российских зеленых, то состав ведущих политиков России (100), определяемый с декабря 1992 г.. Службой общественного мнения «Vox Populi», прямо свидетельствует о том, кто реально делает российскую экологическую политику.

Прежде всего за эти годы никто из лидеров зеленого движения или зеленых партий в этот список не попал. Только в предварительный список из 500 фамилии (на основе которого затем составлен список 100 наиболее влиятельных политиков) были включены А. Яблоков и В. Распутин, то есть две наиболее влиятельные фигуры российского экологического авангарда, а также министр экологии В. Данилов-Данильян [26].

В 1993—1994 гг. распределение рейтингов (баллов) было практически неизменным. Первые 10—15 мест всегда занимали президент, премьер-министр (бывший глава нефтегазового ведомства), председатели палат парламента, министр иностранных дел и все или почти все силовые министры. Политики регионального уровня обычно занимали места между 30-м и 70-м, редко поднимаясь до 25—28-го. Если рассматривать А. Солженицына как социально-экологически (в широком смысле слова) ориентированного политика, то и он не поднимался выше 25—30-го места. Лидеры политического блока «Женщины России», которых также можно рассматривать как потенциальных союзников зеленых, обычно находились на 80—90-х местах, то есть имели весьма низкий рейтинг как политики. Лишь дважды, причем также в конце списка, появлялись фамилии лидеров движения «Демократическая Россия». Характерно, что и бывший председатель Комиссии по правам человека Государственной Думы С. Ковалев и председатель Комитета по чрезвычайным ситуациям С. Шойгу обычно находились в конце списка.

Есть все основания считать, что российская экологическая политика делается руками топливно-энергетического лобби, президентской администрации и силовых ми-

нистов по их собственному усмотрению. В кризисных политических ситуациях экологические последствия или не учитываются вообще, или их устранение находится целиком в руках государственных органов, специально занимающихся ликвидацией аварии, катастроф и последствий вооруженных конфликтов.

Выводы

Итак, «переходный период» оказался периодом регрессирующей стабилизации, то есть самовосстановления административно-бюрократической системы за счет эксплуатации природных и человеческих ресурсов. Эта система и общество в целом стали более закрытыми, непрозрачными.

В движении все более выявляются два крыла: природоохранное, лидеры которого неохотно вовлекаются в политику, и политическое, ориентированное на борьбу за власть. Первое постепенно отступает с политической арены под давлением второго, внутри которого «технократы-государственники находят общий язык с "патриотами"».

Однако оба крыла продолжают понимать экополитику прежде всего как охрану природы, сбережение национальных ресурсов. Соответственно они хотят делать «отдельную» экополитику, а не изменять стратегию реформ в целом.

Природоохранное крыло потеряло свою массовую социальную базу, а вместе с ней и способность к мобилизации населения на массовые акции протеста. Сотрудничества с жилищным движением, движением в защиту прав потребителей и другими родственными организациями они избегают. «Технократы-государственники» формируют социальную базу и инфраструктуру своего движения непосредственно из ячеек государственных и муниципальных служб. «Патриоты» апеллируют к армии и одновременно к пенсионерам и другим беднейшим слоям.

Элита всех ветвей движения старается избегать прямой конфронтации с государством, массовые акции протеста практически исключены из тактического арсенала движения. Протестные акции экоанархистов и угрозы массовых беспорядков со стороны «патриотов» не меняют общей политической ситуации.

Правительство не имеет сегодня артикулированной экополитики. Задача перехода к устойчивому развитию поставлена, но она не является приоритетной для тех, кто реально делает политику в России. Экологическое движение не выдвинуто своей, альтернативной модели перехода к устойчивому развитию.

Можно констатировать: движение не использовало имевшиеся и даже созданные им самим политические возможности; преобладала установка на исправление «ошибок» режима: меньше чем другие новые общественные движения оно было склонно к политической конфронтации с режимом, стремление к сохранению своей социально-экологической ниши в обществе всегда брало верх. В последнее время проявились две взаимодополняющие тенденции: прямое обслуживание неправительственными экологическими организациями нужд государства и формирование последним «своих», всецело зависимых от него квазиобщественных экологических организаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Tarrow S. Democracy and Disorder. Protest and Politics in Italy. 1965 -1975. Oxford! Clarendon Press. 1988.
2. Catton W., Dunlap R. A New Geological Paradigm for Post-Exuberant Sociology // American Behavioral Scientist. 1980. V. 24. N 1. P. 15—47.
3. Яницкий О.Н Альтернативная социология // Социол. журн. 1994. № 1. с. 70 — 84.
4. Слово в защиту Байкала. Материалы дискуссии / Сост. Лапин Б. Ф. Иркутск. Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1987.
5. 30 лет движения. Неформальное природоохранное молодежное движение в СССР. Факты и документы / Под ред. Мухачева С, Забелина С. Казань: Социально-экологический союз, 1992.
6. Фейсбах М., Френдли А., мл. Экоцид в СССР. Здоровье и природа на осадном положении / Пер. с англ. М.: Голос. 1992.

7. *McAdam D., McCarthy J., Zald M.* Social Movements // Smelser N.J. (ed.)- Handbook of Sociology. Newbury Park: Sage Publications. 1988. P. 695—737.
8. *Галкина Л., Фомичев С.* Краткий курс истории партии (зеленых) //Третий путь. 1993. № 29. С. 11—12.
9. *Downs A.* Up and Down with Kcology — the Issue Attention Cycle // Public Interest. 1972. N 28. P. 38—50.
10. *Фомичев С.* Еще раз к вопросу о кризисе //Третий путь. 1993. № 29.
11. *Борейко В. Листонад О.* «Зеленые» на Украине. Вчера. Сегодня. Завтра? //Третий путь. 1994. №36 С. 4—9.
12. *Михайлов В.* Национальное движение (молодежный вариант) // Полис. 1992. № 4. С. 85—93.
13. *Яницкий О* Зеленые в новом парламенте? // Новое время. 1989. № 20. 16—22 мая. С. 24.
14. *Халий И.А.* Экологические проблемы в предвыборных программах кандидатов в народные депутаты СССР (выборы 1989 Г.). М.: Ин-т междунар. рабочего движения АН СССР. 1990.
15. Социально-экологический союз: история и реальность // Сб. материалов. М.: Центр координации и информации СоЭС, 1994.
16. Экологическая безопасность России. Вып. I. М.: Юрид. лит. 1994.
17. *Яницкий О.Н.* Экологическая политика: роль движений и гражданских инициатив // Социол. исслед. 1994. № 10. С. 10-20.
18. *Дамье В. В.* Либертарный социализм или экологическая катастрофа? // Кентавр. 1993. № I.
19. См.: Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. М., 1994. № 6.
20. *Khalvi I.* Environmental and Nationalists Movements: Allies or Adversaries? Paper presented at the session of RC N24 «Environment and Society», World Congress of Sociology. Bielefeld. Germany. 1994. July 17—24.
21. Конституция Российской Федерации // Известия. 1993. 28 дек.
22. СоЭС: концепция устойчивого развития России // Зеленый мир. 1995. № 5. С. 5—6.
23. *Мусеев Н.Н.* Причины крушения и рычаги процветания // Российская провинция. 1994. № 2. С. 153—164.
24. *Уильяме Ф* Сырьевые отрасли остаются самыми привлекательными для Запада // Финансовые известия. 1943. № 27. С. 8; *Баранов Э и др.* Спаду в экономике противостоят только сырьевые отрасли // Финансовые известия. 1994. № 61. С. 1.
25. *Ярошенко В.* Энергия и экология // Евразия-мониторинг. 1994. № I. С. 9—12.
26. Независимая газ. 1992. 2 дек. С. 5.
27. Независимая газ. 1995. 2 марта. С. 2.

© 1995 г.